

ПРОЕКТ «ЗАТМЕНИЕ»

The book cover features a central illustration. A dark silhouette of a man wearing a cape stands on a ledge, looking out over a cityscape. The city is partially obscured by a large, dark, Y-shaped structure that frames the scene. In the background, a bright, fiery, and turbulent sky dominates the upper half, suggesting a solar eclipse or a catastrophic event. Swirling, ethereal green and blue energy flows around the central figure and the Y-shaped structure. The overall color palette is dark, with teal, green, and orange tones.

КНИГА ПЕРВАЯ
ОЛЕГ СТАЮХИН

18+

Олег Стаюхин

Проект «Затмение»

<https://litres.ru/73530018>

SelfPub; 2026

Аннотация

У Виктора Горина нет выбора. Жена умирает, денег нет. Генерал Власов предлагает сделку: новая технология в обмен на лечение.

Виктор собирает экипаж и отправляется на орбиту. Он еще не знает, что эта сделка начало конца. Для него. Для тех, кто пошел за ним. Для всех, кто встанет на пути.

Это не героическая история. Это исповедь человека, которому нечего терять.

Содержание

ПРОЛОГ	4
ГЛАВА 1	5
ГЛАВА 2	8
ГЛАВА 3	10
ГЛАВА 4	13
ГЛАВА 5	16
ГЛАВА 6	24
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Олег Стаюхин

Проект «Затмение»

ПРОЛОГ

Я не знаю, что страшнее: остаться ни с чем или однажды понять, что, пытаясь всё спасти, ты потерял себя.

Меня зовут Виктор Горин. Когда-то я возглавлял «КО-СПУС» – крупную компанию, занимавшуюся космическими и спутниковыми услугами.

Потом бизнес рухнул. А у жены нашли рак.

Лечение требовало огромных сумм. Доступные препараты уже не помогали. Врач настаивал на пересадке органа, стоимость которой была за гранью возможного. Я продал всё, но этих денег хватало лишь на то, чтобы отсрочить неизбежное.

Тогда появился он – генерал Власов. Предложение было неожиданным. Реализация секретного проекта через мою фирму в обмен на лечение Марии.

Однако у сделки была ещё одна сторона: я потерял свободу. Генерал контролировал каждый мой шаг. Я обязан был становиться тем, кем меня хотели видеть.

ГЛАВА 1

Запах духов и приглушенные возгласы – выставочный зал «КОСПУСа» дышал этим в тот день. За кулисами было темно, и я смотрел, как луч света от прожектора скользит по лицам в первом ряду. Инвесторы. Для них я был всего лишь источником новых доходов.

Голос диктора бубнил что-то о заслугах в космонавтике. Я не слушал. На огромном экране мелькали кадры исторической хроники.

– Встречайте, Виктор Сергеевич Горин!

Зал стал аплодировать. Сцена встретила слепящим светом софитов. Светом, в котором я чувствовал себя самозванцем, а не триумфатором.

– Добрый вечер, дамы и господа! Мы собрались здесь не для того, чтобы любоваться прошлым. Мы здесь, чтобы строить завтрашний день.

Я говорил о космических перспективах, о новой эре освоения орбиты, а сам подсчитывал, сколько таких презентаций потребуется, чтобы оплатить один цикл терапии. Её жизнь была сведена к прайс-листу.

– Пришло время представить вам то, что ещё вчера казалось фантастикой. Нашу новейшую разработку – скафандр «Эгида».

По сцене пробежала мягкая белая вспышка света, и на ней

возникла фигура ассистента, в облегаящем черном костюме, напоминающем скорее одежду из футуристического боевика, нежели традиционный громоздкий скафандр. Его матовая поверхность создавала ощущение таинственности, почти мистичности.

В зале повисло напряжённое молчание, смешанное с восторгом и удивлением. Зрители смотрели, широко раскрыв глаза, затаив дыхание, охваченные любопытством и интересом к этому новому чуду техники.

Диктор начал вещать об инновационных материалах, поглощении солнечной энергии, защите от радиации. Ложь. Вся эта технология была декорацией. Ассистент демонстрировал гибкость скафандра. Куда более впечатляющий трюк я проделал со своей совестью.

Когда презентация завершилась, я снова шагнул в центр. Зал замер в ожидании нового чуда.

– Но это ещё не всё.

Та самая, выстраданная пауза.

– Совсем скоро мы запустим глобальную спутниковую систему «Мир».

Овации. Я предсказал их с точностью до секунды.

Настоящее имя проекта – «Затмение». И его цель была не в том, чтобы соединить мир. Свет погас. Гигантский экран ожил. Тысячи искрящихся точек сплелись в сверкающую паутину, окутав голубой шар.

– Я лично возглавлю эту миссию.

Тишина – и новый шквал оваций. Они приветствовали мою отвагу, не подозревая, что это был жест последнего отчаяния.

Сойдя со сцены, я уступил место живым марионеткам – идеально подогнанным винтикам для моего замысла. Исаев, Давыдова, Туров.

Их талант, их наивная вера в благородство миссии были частью моих расчетов. Если заказчики захотят меня убрать, им придется иметь дело с медийными лицами, чьи портреты завтра будут на первых полосах. Вот и вся моя страховка.

В этот момент ко мне бесшумно подошел человек в строгом сером костюме.

– Генерал Власов в вашем кабинете, – прошептал он.

Я молча кивнул и растворился в полумраке – стремительно и незаметно, как и все мои движения в последние месяцы.

ГЛАВА 2

Дверь кабинета закрылась, отсекая гул зала. У окна, спиной ко мне, застыл он. Коренастый силуэт в генеральской форме.

Я прошел к столу и опустился в кресло. Ладони легли на стол.

– Зачем вы приехали, Юрий Николаевич?

– Какого чёрта вы их наняли?

– Для реализации миссии.

Он медленно повернулся.

– Вы ставите под угрозу проект.

– Ваше присутствие здесь – куда большая угроза, – парировал я. – Меры предосторожности приняты. Кандидаты проверены.

– Проверены? – генерал фыркнул. – Этого мало. У нас есть свои люди.

– Если я возьму ваших, пресса учует подвох. Вы этого хотите?

Он сделал несколько медленных шагов вперед.

– А если настоящую цель узнают ваши наёмники?

– Не узнают. Они не увидят разницы.

Генерал наклонился вперед, опершись костяшками о столешницу.

– В случае провала ваши личные обстоятельства перестанут

нут быть для нас приоритетом.

Он развернулся и вышел. Дверь закрылась бесшумно.

Я вскочил, налил виски. Взял стакан – и замер. Посмотрел на фотографию Марии.

– Скоро, любимая. Совсем скоро.

ГЛАВА 3

Компания осталась моим единственным пристанищем. Жесткий кожаный диван в кабинете – моя кровать. И это не было унижением. Напротив – это стало странной формой спасения.

В эти тихие, безлюдные часы, когда офис погружался в темноту и молчание, можно было ненадолго обмануть себя. Я помню, как Мария кричала на меня однажды. Не по-настоящему кричала, а так – устала, сорвалась. Я опять задержался на работе, пришёл в час ночи, а она сидела на кухне с остывшим ужином. «Ты вообще помнишь, как я выгляжу? – спросила она. – Или уже только на фотографии смотришь?» А потом подошла, обняла и сказала: «Прости. Я просто соскучилась». Я тогда подумал: «Всё успею, всё наверстаю». Не успел.

По утрам – снова больница. Добровольная пытка. Она смывает выстроенную защиту, обнажая нервы и оставляя после себя осадок вины.

Стеклянные двери онкологического центра впустили меня с безразличием. По одну сторону оставался мир громких слов и космических амбиций, где я разглагольствовал о будущем человечества. По другую – суровая реальность, пропитанная лекарствами, где сражаются не за идеи, а за право встретить новый день.

Иду по коридору. Глаза режет свет люминесцентных ламп. Эхо шагов отдавалось в висках назойливым стуком. Открываю дверь. Монотонный писк аппаратуры отбивает ритм у постели Марии. Она лежит, утопая в белизне простыней. Черты её лица заострились, кожа приобрела нездоровый, пергаментный оттенок. Она попыталась улыбнуться.

Я подошел, неуклюжий великан в этой тесной палате. Усевшись на жёсткий стул, взял её руку.

Раньше её руки всегда были холодными. Она совала их мне под пиджак, на кухне, когда я пил кофе перед работой, и смеялась: «Согрей, замёрзла». Я ворчал, что она меня морозит. А сам держал, пока не согрею. Теперь её рука тёплая. Слишком тёплая.

– Привет, любимая. Как ты?

– Здравствуй. Всё хорошо. Не переживай.

Она лгала.

– Что говорят врачи? – спросил я, прекрасно зная ответ.

Она отвела взгляд в окно, за пределы этой белой, стерильной коробки.

– Говорят... нужна срочно пересадка. Только денег таких у нас... нет, Вить.

Я сжал ее пальцы, пытаюсь через это касание передать ей хоть крупицу своей решимости.

– Не думай о деньгах. Почти все готово. Осталось лишь... слетать в космос.

– Когда? – спросила она тихо, и в ее голосе дрогнул страх.

– Завтра утром. Через семь дней старт.

– Обязательно лететь с ними?

– Да. Это необходимо.

– Надолго?

– Минимум на полгода.

– Я буду скучать.

Я поднес ее руку к своим губам, задержав поцелуй.

– Я хочу остаться. Если я откажусь... не будет никакой операции.

Она мягко высвободила пальцы и положила ладонь мне на щеку, словно пыталась успокоить. И в этом движении было что-то, от чего у меня сжималось горло и хотелось выть.

Это ощущение еще горело во мне, пока я шел в кабинет главврача. Не было надежды – лишь последняя попытка.

ГЛАВА 4

Сидел в коридоре сорок минут. Передо мной прошли: старуха с перевязанной рукой, парень на костылях, женщина с мальчиком лет десяти. Мальчик смотрел на меня, я отводил взгляд.

Когда вызвали, я встал и зашел. Дверь закрылась.

Кабинет главврача походил на операционную. Только здесь резали не скальпелем, а бумагами.

Алексей Федорович поднял на меня усталый взгляд. Под глазами – тени, лицо осунулось. В его глазах читалось привычное сочувствие, смешанное с профессиональной безразличностью. Он уже знал, что я скажу. И знал, что ответит.

– Доктор, начните подготовку к операции сейчас. Я найду деньги, обеспечу оплату. Главное успеть!

Алексей Федорович медленно снял очки. Этот жест был красноречивее любых слов.

– Поймите, Виктор Сергеевич. Трансплантацию начнут только после поступления полной суммы на счет. Процедура требует гарантий. Без предоплаты ничего не возможно.

Его слова – неоспоримый приговор – эхом отдавались в пустой голове.

– Алексей Федорович, умоляю, сделайте исключение! Каждая минута на счету!

Он покачал головой и на секунду отвел взгляд в сторону –

туда, где на стене висел портрет министра здравоохранения. Жест человека, который когда-то давно перестал спорить с системой.

– Меня никто не уполномочил делать исключения. Как только деньги поступят – операция начнется немедленно.

Эти последние слова добились меня окончательно. Я был бессилён перед бумажкой с печатью. Это было невыносимо.

– Тогда... сделайте все возможное. Не дайте ей умереть.

Не дожидаясь ответа, я развернулся и вышел. Дверь закрылась, отсекая меня от последней надежды.

После разговора с главврачом я не поехал в офис. Не мог. Возвращаться в этот стеклянный склеп.

Я сел в машину и просто поехал. Без цели. Город проплывал за окном, как декорация к чужой, благополучной жизни. Мамы с колясками, студенты, старики на лавочках – все они существовали в какой-то параллельной реальности, где главная проблема – это выбор между гречкой и рисом в супермаркете.

Приехал к нашему парку. Ноги сами принесли меня к той самой скамейке, где мы сидели, когда я сделал ей предложение. Тогда здесь цвели каштаны. Сейчас – голая, промозглая осень. Листья, превратившиеся в бурую кашу под ногами, пахли так же, как и мои надежды – прело и безнадежно.

Я просидел там, наверное, час. Смотрел, как пруд покрывается рябью от мелкого, противного дождя. Сам промок.

Телефон завибрировал. Напоминка: «Завтра выезд в

8:00».

Вернулся в машину. Завел двигатель. И вдруг понял, что оставался только я, мое поражение – и единственный выход. Тот, что ждал меня завтра утром.

ГЛАВА 5

Неделя до старта была расписана по минутам. Изматывающие тренировки, бесконечные инструктажи, моделирование нештатных ситуаций – всё должно было довести их действия до автоматизма. График висел в модульном отсеке, расчерченный разноцветными маркерами: красный – центрифуга, синий – гидролаборатория, зелёный – теория. Я смотрел на эти прямоугольники и видел только одно: клетки. Три клетки, в которые мы добровольно загоняем людей, чтобы выпустить их в клетку побольше – на орбиту, где уже висели десять тысяч спутников «Эмис».

Ранним утром экипаж доставили на космодром. Из окна кабинета я наблюдал за высадкой. Автобус остановился у административного корпуса, пневматика дверей с шипением выпустила струю пара, и они начали выходить – трое в синей униформе «КОСПУСа». Осенний ветер трепал их волосы, они зябко кутались в куртки. Я же, стоя в тепле, чувствовал только холод.

Туров вышел первым. Не потому, что торопился – потому что так было правильно. Он всегда выходил первым, если чувствовал опасность. Огляделся. Взгляд задержался на группе военных в камуфляже у соседнего ангара – дольше, чем на охране периметра. Плечи напряглись, но лицо осталось спокойным, почти расслабленным. Слишком спокой-

ным. Туров вообще не тратил эмоции там, где они не работали. Он копил их для дела. Для защиты. В его личном деле было написано: «пять лет в горячих точках, три ранения, две награды».

Давыдова вышла следом и сразу запрокинула голову. Смотрела только на ракету. На ангары. На фермы обслуживания. Военные её не интересовали – она уже мысленно раскладывала конструкцию на узлы. Я читал её мотивационное письмо. В шесть лет отец привёл её в планетарий. Она впервые увидела макет корабля в натуральную величину и замерла. Три часа простояла, разглядывая каждую деталь. Через год отца не стало – авиакатастрофа.

Исаев вышел последним и сразу дёрнул воротник. Жест человека, которому форма жмёт не в плечах, а в мыслях. Его взгляд скользил по лицам встречающих, по зданиям, по тёмным проёмам окон – ловил фальшь, нестыковки, то, что не вписывалось в официальную картину. Он что-то шепнул Турову, почти не разжимая губ. Константин едва заметно кивнул. И оба, почти одновременно, посмотрели в моё окно – на миг. Исаев был из тех, кто вечно ищет подвох. Потому что жизнь научила. Отец ушёл, когда ему было пять. Мать тянула одна, работала сутками. В четырнадцать он уже чинил проводку в соседских квартирах за деньги, в шестнадцать собрал первый радиопередатчик, в двадцать – поступил в летное.

В столовой пахло пережаренным луком и пластиковой едой. Окна выходили на стартовую площадку – ракету теперь

было видно целиком, без искажений. Она стояла, задрав нос в серое октябрьское небо, и казалась ненастоящей, декорацией к фильму, который никто не снимал.

Давыдова сидела за столиком у окна, разложив перед собой планшет и блокнот. В одной руке она держала вилку с остывшей картошкой, другой что-то писала карандашом, зажатым в тех же пальцах.

Исаев подошёл сзади, бесшумно, в своих мягких кроссовках для бега. Поставил перед ней стакан с соком. Оранжевая жидкость плеснулась через край.

– Пей, – сказал он тихо. В голосе проскальзывала усмешка, но под ней пряталось что-то другое. Беспокойство.

Давыдова не сразу оторвалась от экрана. Подняла голову медленно. На лбу залегла складка – она ещё дочитывала мысль.

– Что это?

– Сок. В нём цинк. И витамины.

Она взяла стакан, отпила глоток и тут же скривилась.

– Он кислый!

– Пей давай. Не отвлекайся, – Исаев уже разворачивался к соседнему столику.

Давыдова посмотрела ему вслед. Раздражение на лице растаяло, сменившись чем-то другим – благодарностью, которую она не умела выражать словами. Она снова поднесла стакан к губам и допила сок, морщась, но послушно.

Туров за их спиной молча жевал котлету, переводя взгляд

с одного на другого. Его лицо ничего не выражало, но я успел заметить, как дрогнул уголок рта. Что-то похожее на усмешку. Или на боль. С ним было сложнее всего. Он не позволял себе чувствовать при свидетелях. Даже когда смотрел на них – на этих двоих, которые ещё не понимали, что происходит между ними, – он смотрел так, будто охранял их. Будто это была его работа. Может, так оно и было.

Учебный класс. Четыре стола, проектор, макет стыковочного узла в натуральную величину. Я вошёл бесшумно, встал у стены, за спинами. Люблю наблюдать, когда меня не видят.

Давыдова делала пометки. Туров сидел неподвижно, сложив руки на груди. Исаев – тот не мог усидеть на месте. Он ёрзал, поглядывал на часы, на Давыдову, снова на часы.

Я видел, как он поправлял ей прядь волос. Пальцы скользнули по шее, замерли. Под формой угадывалась тонкая цепочка с буквой «Т».

– Что это? – спросил он тихо. Будто боялся спугнуть.

Давыдова ответила не сразу. Её собственные пальцы коснулись кулона.

– «Тау», – сказала она наконец. – Символ жизни и спасения. Отец подарил, когда я была маленькой.

Она улыбнулась, но в улыбке была грусть.

Исаев ничего не сказал. Просто смотрел на неё.

Потом было практическое занятие в гидролаборатории. Огромный бассейн, на дне которого лежал макет модуля. Три фигуры в скафандрах «Арктур» медленно перемеща-

лись в воде.

Я связался с инструктором по закрытому каналу:

– Усложните задачу Исаеву. Сымитируйте отказ системы стабилизации.

Максим начал беспорядочно вращаться, движения стали резкими, паническими. Датчики зашкаливали – пульс за сто пятьдесят, дыхание сбилось. Я смотрел, как он борется с собой, как паника заливает мозг ледяной водой. Но Лиза была рядом. Она подплыла, перехватила его за плечи. Исаев замер. Выдохнул. Кивнул. И начал работать. Уже спокойно, собранно.

– Турову – задание на обрыв страховочного фала, – отдал я следующую команду.

Константин, оказавшись в «свободном плавании», замер на секунду. Датчики показали всплеск адреналина – и тут же пошли на спад. Он не успокаивал себя – он просто отключил страх.

После обеда – центрифуга. Огромный рычаг с капсулой на конце, который разгонял людей до адских перегрузок. Я смотрел через монитор, как их лица искажаются, сплющиваются невидимой силой.

Туров стиснул зубы, взгляд устремлён в одну точку. Он терпел. Потом, уже в коридоре, я заметил, как его рука дрожит – мелко, почти незаметно. Он убрал её в карман.

Давыдова в капсуле зажмурилась, сдерживая крик, сжимала подлокотники – и тут же разжимала, заставляя себя

расслабиться. Она боролась с собой всерьёз, без скидок.

Исаеву досталось больше всех. После центрифуги чуть не вырвало. Показатели были в норме, с задачей справился. Но я видел, как ему было плохо.

Вечером, обходя тренировочный модуль, я услышал смех. Не тот дежурный, казенный смех, которым люди пытаются заглушить страх перед стартом. А настоящий, заразительный. Я замер у приоткрытой двери.

Давыдова сидела на полу, скрестив ноги, и что-то увлечённо рисовала в своём планшете. Рядом, наклонив голову, стоял Исаев и скептически разглядывал рисунок. Туров сидел на скамье у стены, сложив руки на груди. Смотрел на них молча, без обычной своей настороженности. Просто смотрел.

– Максим, это гениально! – воскликнула Давыдова, поворачивая планшет к Исаеву. – Представляешь, модуль-трансформер, который сам меняет конфигурацию под задачи! Солнечные батареи складываются, стыковочные узлы мигрируют...

– Лиза, это бред, – лениво отозвался Исаев, но в его голосе не было злости, только домашнее раздражение. – Ты забыла про законы физики. И бюджет. И то, что мы через два дня стартуем, а ты тут в игрушки играешь.

– А я говорю – гениально! – не сдавалась она. – Это не игрушки, это перспективная разработка! Вот увидишь, лет через двадцать такие модули будут бороздить просторы...

– Марсианские каналы? – поддел он.

– Например!

Туров хмыкнул, не меняя позы.

– Макс, сдавайся. Если она вбила себе в голову, что модуль-трансформер – наше космическое будущее, значит, так оно и будет. Ты же знаешь, когда она спорит, у неё даже уши краснеют. Бесполезно.

Давыдова тут же схватилась за ухо, сделала вид, что проверяет, и запустила в Турова скомканной салфеткой. Салфетка не долетела, упала на пол.

– Костя, молчи, а!

Туров пожал плечами, но в глазах мелькнуло что-то тёплое.

Исаев перехватил её руку, которая тянулась за новой салфеткой. Посмотрел на неё – и улыбнулся.

– Ладно, художник. Пошли ужинать. Завтра снова в бассейн, а ты мне ещё конфигурацию стыковки объяснять будешь.

Она поднялась, отряхнула спортивные штаны, сунула планшет под мышку.

– Объясню. Только ты слушай, а не спорь сразу.

– Договорились.

Туров поднялся следом, поправил ремень. Они вышли втроём, и я слышал, как их шаги затихали в коридоре. Давыдова что-то быстро говорила, Исаев отвечал односложно, Туров молчал.

Меня они не заметили. Я остался стоять в темноте у окна.

Они прикрывают друг друга и ради друг друга готовы на глупости. Они старались. Они верили. Они не знали, что каждый их страх, каждая слабость, каждая привязанность – всё это уже стало частью моих расчётов. Смотрю на ракету. Там, на стартовой площадке, замерла в ожидании. Она везёт моё единственное спасение. Шанс вернуть её. А с ней – возможно, и себя.

ГЛАВА 6

Тот самый день настал.

Члены экипажа выходили из учебного корпуса, щурясь от утра – слишком ясного, слишком спокойного для такого дня.

Они погрузились в специальный автобус. Туров, устроившись у окна, продолжил свой ритуал – сканировать территорию выгоревшим взглядом сторожевого пса. Пусть тратит силы. Его бдительность мне только на руку.

Я вышел из здания чуть позже. Власов ждал у служебного входа.

– Отвечаешь за него головой, – сказал генерал, протягивая кейс.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.